

А. О. Пеганов

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ РЕОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ (1931–1934)

Анализируются взаимоотношения между Францией и СССР в 1931–1934 гг. Особое внимание уделяется советской реакции на французские планы переустройства Дунайского бассейна. Основные источники — опубликованные материалы Кэ д'Орсэ и НКВД.

This paper investigates the relationships between France and the USSR in 1931–1934. Special attention is paid to the Soviet reaction on French plans to reorganize the Danube basin. This analysis is based on published Soviet and French diplomatic documents.

Ключевые слова: Франция, СССР, внешняя политика, аншлюс, план Тардьё, Пакт четырех, Восточное Локарно.

Keywords: France, USSR, foreign policy, Anschluss, plan of Tardieu, Four Power Pact, Eastern Locarno.

В первую половину XX в. Среднюю Европу, в ее самом широком смысле — как зону между Францией и Россией, можно назвать ключевым театром стратегического противостояния в Старом Свете. Первая мировая война, закончившаяся коллапсом Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, создала предпосылки для закрепления ведущей роли Франции в данном регионе с помощью заключения военно-политических союзов с Польшей, а также Чехословакией, Румынией и Югославией (объединившихся в блок «Малая Антанта»). Наиболее амбициозные французские планы консервации версальского порядка на континенте проявились в 1929 г. через проект Паневропейской унии.

Средняя Европа в политике Парижа и Москвы — общие данные. Между тем с начала 1930-х гг. в Средней Европе начал набирать вес германский, а за ним и советский факторы. Роль Парижа сокращалась, скатившись в 1938–1940 гг. до минимума. Советская инфильтрация на запад шла по нарастающей и, с перерывом в 1941–1944 гг., завершилась к концу 1940-х гг. переносом сферы влияния сталинской империи до линии «Штеттин-Триест».

Межвоенная Франция, стремясь упрочить свою «систему безопасности» перед Германией на севере и Италией на юге, отдавала приоритет стратегическим союзам в Средней Европе. Параллельно Париж старался минимизировать связи региона с Германией. На фоне отстранения Лондона от проблем Европы в 1930-е гг. Париж начал попеременно склоняться к кооперации то с Римом, то с Москвой, надеясь на создание «приемлемого кондоминиума» в Средней Европе. Привлечение советского фактора было постепенным. Пробный камень был запущен в 1931 г. Однако, по большому счету, НКВД продолжали держать в стороне от важнейших центральноевропейских инициатив вплоть до 1934 г. Свой вынужденный изоляционизм большевики недружелюбно комментировали фразой «без нас — следовательно, против нас» [1, с. 226–227].

В советском видении Средней Европы можно выделить два аспекта. Во-первых, послеоктябрьская Россия была неудовлетворена своими западными границами. Список претензий НКВД к версальскому устройству 1924 г. требовал соблюдения советских интересов и прав в Восточной Галиции, Северной Буковине, Бессарабии, Аландских островах и Мемеле [2, с. 417–426]. Учитывая позыв большевиков к экспорту революции, нет ничего удивитель-

Пеганов Александр Олегович — аспирант кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета. E-mail: piahana@gmail.com

ного в том, что, например в 1931 г. британский МИД рассматривал «границы между СССР и Средней Европой» как одну из шести самых опасных конфликтогенных зон в мире [3]. Во-вторых, с точки зрения кремлевской геополитики Средняя Европа делилась на две неравнозначные зоны — Северную (Балтийскую) и Южную (Балкано-Дунайскую) [4]. В то время как Северная зона находилась под пристальным фокусом, Южная была отодвинута на периферийный план. Различие значимости двух зон можно проиллюстрировать хронологией налаживания двухсторонних связей: к концу 1924 гг. Москва установила прямые отношения со всеми балтийскими государствами, в то время как большинство балкано-дунайских государств признали СССР в 1934 г.

Франко-советские отношения, между их нормализацией в 1924 г. и расторжением в 1941 г., прошли тернистый путь. Несмотря на пересекающиеся страхи перед чрезмерным усилением Германии в Европе, ни для Кремля, ни для Елисейского дворца другая сторона не вызывала достаточно доверия. Оба видели друг в друге скорее потенциальных противников: Париж с опаской воспринимал рапальское советско-германское сближение и международную деятельность Коминтерна, а Москву беспокоило покровительство Кэ д'Орсэ над Польшей и Румынией. Советско-французский Договор о ненападении в 1932 г. и вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. снизили взаимное недоверие. Однако последовавший Пакт 1935 г. о взаимопомощи, опиравшийся на чехословацкую смычку и ставший кульминацией галло-большевистского тандема, все же оказался неиспользованным инструментом в 1938 и 1939 гг.

Проект таможенной унии Австрии и Германии — импульс к франко-советскому сближению (март — сентябрь 1931 г.). Центральный элемент средневропейской доктрины Франции сводился к недопущению блокирования Австрии и Германии. Париж старался охладить пан-германские настроения в Вене финансовыми дотациями и поддержкой «легитимистов», чья программа включала не только сохранение независимости Австрии, но и восстановление монархии Габсбургов [5]. В начале 1930-х гг. легитимисты стали крупнейшей франкофильской группой в Венгрии [6, 7, 8, с. 171]. Предполагалось, что реставрация Габсбургов и воссоединение Австрии и Венгрии могли окончательно снять угрозу аншлюса. Однако в заигрывании с монархическими идеями Кэ д'Орсэ был вынужден постоянно оглядываться на реакцию Чехословакии и Югославии, которые придерживались установки «скорее аншлюс, чем Габсбург».

Неожиданный договор 21 марта 1931 г. о создании таможенной унии Австрии и Германии всколыхнул Европу. Париж однозначно трактовал эту инициативу как первый шаг к аншлюсу и созданию «Mitteleuropa». Между тем союзники Франции реагировали менее однозначно. В глазах Белграда и Бухареста перспектива расширения экономического влияния Германии представляла выгоды. Варшава, заняв критичную позицию, могла изменить свою точку зрения в случае признания Берлином окончательного характера польско-германской границы [9, р. 192—195]. Тем не менее французские контрмеры смогли «похоронить» цоллунию к маю 1931 г., а в сентябре 1931 г. Международный суд в Гааге объявил объединение таможенного пространства Германии и Австрии нелегальным. В Елисейском дворце вынесли два вывода из шумихи вокруг цоллунии: 1) самый действенный способ предотвратить аншлюс — объединить Австрию с другими дунайскими государствами; 2) ни Малая Антанта, ни Польша не были принципиально заинтересованы в сохранении независимости Австрии. В итоге Кэ д'Орсэ приступило к поиску альтернативной комбинации союзов к востоку от Германии. Первым кандидатом на роль нового дунайского редута в анти-германском бастионе стала Венгрия [10, о. 519, 520].

В 1931—1932 гг. франко-венгерские отношения приобрели особую сердечность [7]. Летом 1931 г. МИД Венгрии зафиксировал информацию о том, что Париж выступил за создание таможенного союза Австрии, ЧСР и Венгрии [8, с. 168]. В конце апреля 1931 г. Кэ д'Орсэ содействовал началу венгеро-чехословацких торговых переговоров [10, о. 529], в августе вы-

делил Венгрии кредит в 5 млн фунтов [11, о. 125], а в сентябре заключил соглашение о скупках венгерского зерна.

Осенью 1931 г. началось закулисное обсуждение создания единого блока Австрии, ЧСР и Венгрии. Инициатива переговоров исходила из Праги, которая, якобы, даже соглашалась отказаться от Кошиц в пользу Венгрии [12]. Со стороны Будапешта в эти неофициальные переговоры были вовлечены видные легитимисты — Г. Грац и И. Фридрих. Однако в конце 1931 г. министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш отказался от данного проекта. Возвращавшемуся из Парижа Грацу он передал 13 декабря 1931 г., что не пойдет на сотрудничество с Австрией и Венгрией в ущерб политико-экономического единства Малой Антанты [13, s. 180, 181]. В феврале 1932 г. венгерские «паневропейцы» (под руководством П. Ауэра — юрконсультанта французской миссии в Будапеште) выдвинули на обсуждение проект австро-венгеро-чехословацкой экономической унии с перспективой присоединения к ней Румынии и Югославии [14, р. 362]. Проект австро-венгеро-чехословацкого треугольника базировался на идее использования его как дамбы против Германии. В то же время дистанцирование Парижа от Бухареста и Белграда открывало дорогу для франко-советского и франко-итальянского сближения.

Весной 1931 г. начала теплеть атмосфера между Елисейским дворцом и Кремлем. Невзирая на идущую с октября 1930 г. франко-советскую торговую войну и советские обвинения Франции в подготовке интервенции в СССР [15, с. 123—129, 146—149, 155], 20 апреля 1931 г. Кэ д'Орсэ предложило НКВД заключить обеим странам Пакт о ненападении и Торговый договор [15, с. 252—254]. Москва откликнулась [15, с. 290] и в июле 1931 г. СССР и Франция сняли взаимные запреты с импорта товаров [15, с. 427, 432], а 10 августа парафировали договор о ненападении [15, с. 452—456]. Параллельно Москва активизировала свою позицию в вопросе интеграции Европы. Невзирая на прежде отрицательное отношение к данному проекту, 19 мая 1931 г. Политбюро ЦК ВКП (б) одобрило участие наркома М. М. Литвинова в работе паневропейской комиссии при Лиге Наций [16, с. 248, 249]. На ее заседании 23 мая М. Литвинов констатировал «клиническую смерть» таможенного сценария Берлина и Вены [15, с. 346—348]. На июльской встрече комиссии советская делегация раскритиковала проекты создания преференциальных режимов в Средней Европе как форму дискриминации и настаивала на привлечении СССР к обсуждению вопросов международных преференций. НКВД опасался, что введение торговых преференций могло затруднить советский экспорт в Австрию, Чехословакию, Германию и Италию, с которыми СССР ранее заключил торговые договоры [15, с. 415—420]. В августе 1931 г. Москва раскритиковала предоставление немецких торговых льгот Румынии, Венгрии и Болгарии [15, с. 464—466] и итальянских льгот Австрии и Венгрии [15, с. 479]. Советская позиция отвечала французским интересам по недопущению экономической переориентации дунайских стран на Германию и Италию.

Однако осенью 1931 г. франко-советское сближение начало буксовать: 23 сентября Елисейский дворец сообщил, что советско-французскому Пакту о ненападении должен сопутствовать договор о ненападении между СССР и Польшей [15, с. 535—537], а 25 сентября Москва неожиданно отказалась от участия в осенней сессии паневропейской комиссии [16, с. 261]. Начавшиеся советско-польские переговоры застопорились на малопривлекательном для Москвы требовании Варшавы о заключении Союзом ССР договоров о ненападении со всеми своими европейскими лимитрофами [15, с. 647—650].

Активы от франко-советской «весны» 1931 г. можно зачислить в пользу Кэ д'Орсэ. По наблюдению полпреда в Берлине Л. М. Хинчука, Аусамт в течение 1931 г. отводил большое значение советскому противостоянию германскому экономическому проникновению на Балканы. Немецкая пресса видела подоплеку кокетничества между Парижем и Москвой в поисках большевиками кредитов во Франции и попытках Кэ д'Орсэ изолировать Германию. В итоге французское влияние победило в Венгрии и Австрии [15, с. 749—754].

Советско-французское отдаление и дунайский план А. Тардьё (январь — май 1932 г.). Возможность подписания советско-французского Пакта о ненападении не стала более реальной после того, как Польша парафировала с СССР текст договора о ненападении 25 января 1932 г. В начале 1932 г. глава правительства Франции и одновременно шеф Кэ д'Орсэ Пьер Лаваль, а также сменивший его на обоих постах Андрэ Тардьё уточнили, что достижение аналогичного соглашения между Москвой и Бухарестом стало обязательным для подписания франко-советского договора [17, с. 55—57, 69]. После встречи с А. Тардьё в Женеве в марте 1932 г. М. Литвинов пребывал под впечатлением, что улучшение отношений с СССР не входило в ближайшие цели Елисейского дворца [17, с. 213, 214].

Возобновление Парижем политики опеки над Румынией и проблематизация сотрудничества с Москвой оказались элементами нового французского дипломатического наступления в Средней Европе. Несмотря на то, что Кэ д'Орсэ больше склонялся к поощрению экономического сближения Австрии, Венгрии и ЧСР, А. Тардьё поддержал проект более широкого объединения дунайских государств, включая государства Малой Антанты, Австрию и Венгрию [9, р. 222]. 2 марта 1932 г. Тардьё ознакомил представителей Италии и Великобритании со своим планом установления взаимных преференциальных торговых режимов в Дунайском бассейне. Италия (безрезультатно) предложила привлечь к обсуждению этого вопроса СССР [17, с. 227, 228]. Прошедшая 6—8 апреля 1932 г. в Лондоне конференция представителей четырех великих держав констатировала расхождение их мнений: французы и англичане поддержали интеграцию пяти дунайских стран, немцы выступили против, а итальянцы заняли сдержанную позицию. План экономической санации на Дунае повис в воздухе и после отставки А. Тардьё в мае 1932 г. был убран в стол.

Кремль, очевидно, к задумке Тардьё не питал симпатий. Полпред в Вене К. К. Юренев, комментируя этот проект, писал, что он был не выгоден Советскому Союзу как экономически, так и политически. «...Нам опасна всякая, хотя бы частичная стабилизация капиталистических государств, особенно если она совершется под руководством Франции», — указывал полпред. Суть французского проекта, по Юреневу, сводилась к следующему — опираясь на легитимистов Австрии и Венгрии, ослабить связи Вены с Берлином и осуществить сближение дунайской «пятерки» под контролем Франции [17, с. 194—199, 728, 729]. Полпред в Праге А. Я. Аросев оценивал план Тардьё в похожем ключе. Он считал, что создание средне-европейской федерации укрепит боеспособность Румынии (и Польши) против СССР, поскольку она (и Чехословакия) не могла выступить, пока ей не был обеспечен тыл с Венгрией. Сглаживание конфликтов на Дунае привело бы к укреплению Малой Антанты на случай ее конфликта с СССР [18, с. 56, 57]. Неудивительно, что рупор ФрКП «L'Humanité» видел в плане Тардьё намерение создать «международную белую армию» [23, р. 43].

Отсутствие приглашения для СССР на переговоры по дунайской интеграции не могло не оставить осадка у большевиков. По наблюдениям британских военных, осенью 1932 г. Советский Союз поставил свои дипломатические гири на сторону итало-германского блока, направленного против Франции и ее союзников [19]. Действительно, накануне сентябрьской конференции в Стресе 1932 г., где элементы плана Тардьё могли всплыть, советские органы попросили представителей Италии и Германии защищать интересы СССР от возможных нападков Польши и Малой Антанты [17, с. 497, 498]. Взяв слово на заседании паневропейской комиссии 1 октября 1932 г., М. Литвинов осудил как исключение СССР из обсуждения средне- и восточноевропейских дел, так и принятие преференций дунайскими государствами в ущерб СССР [17, с. 547, 548].

В целом с 1932 г. Кремль начал уделять больше внимания происходящему в дунайском бассейне. Были сделаны попытки оживить контакты с Венгрией — потенциальным союзником СССР в войне с Румынией и партнером против панрегиональных амбиций Малой Антанты. Вероятно, Москву и Будапешт сближало неприятие плана Тардьё. Венгерский по-

сланник в Праге С. Маширович, реагируя на анонс проекта Тардые, писал в Будапешт, что французские стремления сохранения европейского мира означали «могилу для исторической Венгрии» [20]. Советско-венгерская реанимация началась еще в январе 1932 г. торговыми переговорами в Берлине. Весной Венгрия приняла советскую торговую делегацию и параллельно создала при своей миссии в Берлине агентство для облегчения экспорта в СССР [21, о. 111, 112].

Разогретый интерес Кремля к Средней Европе подтверждает создание по инициативе Политбюро ЦК ВКП (б) весной 1932 г. новой секретной структуры — «Бюро международной информации». В задачи БМИ входил сбор и обработка информации по ряду международных вопросов, а среди приоритетных направлений оказались три международных треугольника: германо-польско-советский, франко-центральноевропейско-советский и японо-американо-советский. Как показал О. Н. Кен, по первому направлению в 1932—1934 гг. глава БМИ К. Радек вел параллельную НКВД тайную дипломатию и пытался улучшить связи Москвы с Варшавой на базе общего противостояния Германии [22, с. 148, 154—170]. Касаясь балкано-дунайских стран, Политбюро интересовало их отношение к «проблеме войны с СССР» и роль Франции [16, с. 281—283].

Кремль и политика «картеля левых» в Средней Европе — поиск компромисса (июнь — декабрь 1932 г.). С победой на парламентских выборах во Франции «второго картеля левых» и формированием 3 июня 1932 г. кабинета под руководством Эдуарда Эррио, советско-французские отношения получили новый импульс. В августе 1932 г. был заключен крупный контракт о поставках во Францию советской нефти [17, с. 518], и Э. Эррио заявил парижскому полпреду В. С. Довгалеvскому, что не хочет подчинять советско-французский Пакт советско-румынскому. Более того, касаясь последнего, Париж одобрял упоминание наличия территориального спора между СССР и Румынией, что начисто отвергалось в Бухаресте и дискредитировало французскую подпись под Бессарабским протоколом 1920 г. [17, с. 488—490, 502, 503, 513—515]. Франко-советский Пакт о ненападении был подписан 29 ноября 1932 г. [17, с. 637—640].

Касаясь Средней Европы, подход «картеля левых» значительно отличался от подхода А. Тардые. Уже во время парламентской кампании лета 1932 г. видные социалисты и радикалы (А. Монзи, Э. Эррио, Э. Даладьё, П. Кот) поддерживали лозунги ревизии Версальских мирных договоров [9, р. 235, 236]. По информации МИД Венгрии, суммарно внешняя политика Э. Эррио строилась на желании укрепления связей с СССР, отказе от военных договоров с Польшей, Румынией и Югославией и поддержке сближения Австрии, Венгрии и ЧСР [8, с. 175].

«Картель левых» активизировал также апеннинское направление французской дипломатии. В октябре 1932 г. Б. Муссолини предложил французам политический компромисс на базе закрепления французской сферы влияния в Северной Африке и итальянской в Средней Европе [23, р. 71]. На публичное предложение Б. Муссолини в Турине создать «концерт» Франции, Италии, Англии и Германии, Э. Эррио ответил речью в Тулузе о необходимости сближения с Италией [24, р. 235].

С целью закладывания франко-итальянской антанты Кэ д'Орсэ назначил в Рим нового посла — Анри де Жуvenеля. Париж был готов поощрять кооперацию Италии с Австрией, Венгрией (и ЧСР), чтобы враждебность между ними и Малой Антантой исчезла. Более того, Париж был готов абстрагироваться от признания независимости Албании (в пользу Рима) и даже рассмотреть опцию итальянской экспансии в Малой Азии [25, р. 609—614]. «Миссия Жуvenеля» дала старт началу ширококомасштабных франко-итальянских переговоров.

Таким образом, осенью 1932 г. Париж добавил в свой среднеевропейский пасьянс колоду с итальянской рубашкой. Проект верхнедунайского треугольника был реабилитирован, но в перспективе передавался под протекцию Рима. Одобряя кооперацию с Веней и Римом, французский посланник в Будапеште Л. дэ Вьен в декабре 1932 г. рекомендовал премьер-министру Венгрии Дюле Гёмбёшу идти на сближение и с Чехословакией. Он многообещающе

добавлял, что примирение Венгрии с ее соседями приближало ревизию Трианона [25, р. 138—142].

Умеренные ревизионистские симпатии Кэ д'Орсэ заставили нервничать его союзников в Средней Европе. Французский посланник в Праге Л. Ноэль отмечал, что, реагируя на советско-французский Пакт и озвученные в Турине намерения Б. Муссолини, Малая Антанта решила сплотиться [25, р. 298, 299]. Обеспокоенные территориальными претензиями Италии и Венгрии лидеры Малой Антаны ставали в позу, заявляя, что «ревизия — это война» [25, р. 365]. 16 февраля 1933 г., невзирая на французские предостережения о возможном итальянском недовольстве, ЧСР, Румыния и Югославия подписали Организационный пакт, амбициозно преобразовывающий Малую Антанту в «более высокий международный орган».

Франко-советские переговоры в контексте подготовки «Пакта четырех» (март — октябрь 1933 г.). В начале марта 1933 г. франко-итальянские переговоры конкретизировались: Б. Муссолини предложил признать за Венгрией, Австрией и Болгарией равноправие в вооружениях, а также осуществить ревизию границ в пользу Венгрии и Германии. Попутно Муссолини настаивал на решении проблемы безопасности на Адриатике (подчинение Албании и распад Югославии). 18 марта 1933 г. Б. Муссолини направил Франции, Великобритании и Германии предложение сформировать вместе с Италией «директорию», которая примет на себя решение международных проблем в Европе [26, р. 15, 16].

Кэ д'Орсэ, несмотря на боязнь скомпрометировать себя перед своими среднеевропейскими союзниками [26, р. 21—25], принял участие в переговорах по «Пакту четырех». Члены французского правительства разношерстно реагировали на ревизионистский посыл Б. Муссолини: премьер Э. Даладьё (вместе с Э. Эррио и лидерами оппозиции А. Тардьё и П. Лавалем) был против, министры А. Монзи («мотор Пакта четырех внутри правительства») и П. Кот были за, в то время как шеф дипломатии Ж. Поль-Бонкур колебался [1, с. 223—225; 27, р. 256—272].

Позиция Франции оказалась несколько двусмысленна. Так, А. Жувенель легко согласился с принципом равноправия в вооружениях для Австрии, Венгрии и Болгарии [26, р. 297, 298], а сторонники «пакта четырех» в Париже не отвергали возможность передать польский коридор Германии и Подкарпатскую Русь Венгрии. Все это настораживало Польшу и Малую Антанту. В ответ министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску шантажировал Париж тем, что при переходе Франции на сторону ревизионистов, Малая Антанта сблизится с Германией [27, р. 256—272].

После трехмесячных консультаций, обеззубленный и приведенный в соответствии с Уставом Лиги Наций «Пакт четырех» был парафирован 7 июня и подписан 15 июля 1933 г. в Риме. Ревизия границ была снята с повестки, и основной фокус франко-итальянской кооперации был переведен на недопущение аншлюса. При этом Рим предлагал укрепить независимость Австрии через ее сближение с Венгрией и Италией, в то время как Париж больше желал видеть кооперацию Австрии не только с Венгрией, но и членами Малой Антаны [26, р. 701—705]. В качестве уступки Ж. Поль-Бонкур предложил подключить к этой группе и Италию [26, р. 728—730]. 12 июля 1933 г. Б. Муссолини и А. Жувенель согласовали детали франко-итальянской программы: оба государства признавали, что у них не было территориальных аспираций в Европе; поддерживали независимость Австрии; не одобряли создание новых блоков в Средней Европе; указывали, что экономическая кооперация региона должна осуществляться на базе «абсолютного равноправия» [26, р. 885—887].

НКВД к проекту «Пакта четырех» отнесся холодно. Прежде всего СССР был задет тем, что его не пригласили в новообразуемый «клуб» великих держав. В то же время кремлевская оценка отдельных пунктов «Пакта четырех» дифференцировалась. 10 апреля 1933 г. М. Литвинов, встречаясь с французским послом в Москве Ф. Дежаном, указал, что к изменению границ на Южной Балтике Советский Союз не мог относиться «безучастно». Его беспокоило, что при передаче данцингского коридора Германии Варшава в качестве компенсации утвер-

дит свое доминирование в Литве или всей Прибалтике. С другой стороны, нарком сообщил, что изменение границ Венгрии с Малой Антантой или Италии с Югославией не затрагивало советские интересы. Также Литвинов отметил, что новые обстоятельства создавали платформу для сотрудничества СССР с Малой Антантой [1, с. 225, 226; 26, р. 206, 207].

Французские дипломаты отмечали возросшую стратегическую обеспокоенность Москвы. Зажатый между «директорией четырех» в Европе и японским милитаризмом на Дальнем Востоке СССР, по наблюдению поверенного в делах Франции Ж. Пайара, был вынужден занять дипломатическую оборону на всех фронтах и перейти в лагерь «антиревизионистов». По мнению Пайара, Кремль тревожило, что «Пакт четырех» повлечет за собой раздел сфер влияния в Средней Европе между Берлином и Римом. При этом Германия направит свою экспансию в Польшу, Прибалтику и Украину, что может привести к территориальным амputациям у Советского Союза и потере его выхода к Балтийскому морю. Распространение влияния Италии на Балканах также угрожало советским морским коммуникациям на юге [26, р. 630—636].

Угроза диктата «концерта четырех» сближала СССР и Малую Антанту. В марте 1933 г. Э. Бенеш предложил СССР заключить пакт о ненападении и установить дипломатические отношения. Учитывая нерешенный статус Бессарабии, он, в первую очередь, апеллировал к нормализации отношений между Москвой, Прагой и Белградом [1, с. 166, 167]. НКВД попытался извлечь капитал из изоляции Малой Антанты и предложил ей подписать пакт о ненападении, признав наличие территориального спора между СССР и Румынией [1, с. 174]. Однако Малую Антанту это не заинтересовало [1, с. 221—223]. Елисейский дворец приветствовал идею пакта Малой Антанты с СССР, но предостерегал Кремль, что постановка бессарабского вопроса сорвет переговоры [1, с. 226—228]. 16 июня 1933 г. Кремль переформулировал свое прежнее предложение Малой Антанте, дополнив его пунктом о нормализации отношений [1, с. 351, 352]. Это предложение М. Литвинов передал Э. Бенешу в Женеве. Однако чех упрямо предлагал «урегулировать» вопрос о Бессарабии. Нарком его «нелепое предложение» отклонил [1, с. 355—357].

Внезапно 3—5 июля 1933 г. Москва пошла на непредвиденные уступки. Отказавшись от завязывания дипломатических отношений и упоминания «спорных вопросов», СССР подписал в Лондоне с членами Малой Антанты (и Турцией) конвенцию об определении агрессии. Аналогичные документы были подписаны СССР с Финляндией, Прибалтикой, Польшей, Персией и Афганистаном. Конвенции фактически приравнивались к пакту о ненападении. Признав нелегальным эвентуальную попытку СССР силой вернуть Бессарабию, М. Литвинов передал Н. Титулеско, что бессарабский вопрос закрыт [27, р. 275—277].

6 июля 1933 г. М. Литвинов встретился в Париже с Ж. Полем-Бонкуром и Э. Даладье. Французам было предложено присоединиться к Лондонской конвенции и заключить секретный договор с СССР об обмене информацией. В свою очередь Поль-Бонкур, приветствуя сближение Малой Антанты с СССР, предложил содействие Кэ д'Орсэ в восстановлении дипломатических отношений между ними. Между тем Кремль рассчитывал на помощь Франции не только в Средней Европе. В Париже М. Литвинов обратил внимание прессы, что интересы СССР не сталкиваются с интересами Франции ни в каком пункте земного шара. За закрытыми дверями советские дипломаты давали понять, что Москва была обеспокоена ростом мощи Японии в Азии [1, с. 416, 417; 28, р. 425]. Дальневосточный вопрос, — передал полпред в Риме В. Потемкин А. Жувенелю 17 июля 1933 г., — мог стать сердцевиной советско-французского Пакта [28, р. 9, 10].

Однако Кэ д'Орсэ постепенно отклонило большинство советских предложений: присоединение к Лондонской конвенции оценивалось позитивно [26, р. 877, 888], но не было реализовано; о договоре об обмене информацией указывалось, что он мог разозлить Великобрита-

нию, «союз с которой является базой всей французской политики» [28, р. 32, 33]; антияпонская кооперация на Дальнем Востоке также не была одобрена [1, с. 576—578, 582, 583].

Сохраняя отрицательное отношение к «Пакту четырех», советские дипломаты приветствовали улучшение франко-итальянских отношений [28, р. 773, 774]. Параллельно начала закладываться новая база советско-итальянского сотрудничества. 28 мая 1933 г. Б. Муссолини предложил СССР заключить с Италией политический договор [1, с. 316—322]. 2 сентября 1933 г. советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете был подписан [1, с. 494—496]. Потеплевшая атмосфера между Москвой и Римом повышала советский авторитет на Дунае. Премьер-министр Венгрии Д. Гёмбёш передал в Рим, что он также был готов развивать экономическую кооперацию с СССР [29, о. 111].

И хотя французское руководство ограничено воспринимало СССР как инструмент противостояния Германии, среди сотрудников Кэ д'Орсэ были и другие мнения. Новый посол Франции Шарль Альфан бомбардировал Ж. Поль-Бонкура предложениями по расширению отношений с Советским Союзом и созданию блока из Франции, Польши, Малой Антанты, СССР и Турции [28, р. 427—433; 30, р. 169—171].

Призывы Ш. Альфана были услышаны в Париже после того, как в октябре 1933 г. Германия покинула конференцию о разоружении в Женеве и объявила о выходе из Лиги Наций. «Пакт четырех» потерял актуальность. Елисейский дворец, активизируя свои контакты с Кремлем, поднял два вопроса: пакт о взаимопомощи и Лига Наций. 31 октября 1933 г. Ж. Поль-Бонкур встретился с М. Литвиновым и, предлагая продумать контрмеры против Германии, несколько раз упомянул о принятии обязательств по взаимопомощи [1, с. 595, 596]. 19 ноября 1933 г. Ж. Поль-Бонкур передал В. Довгалеvскому, что присоединение к Лиге Наций Советского Союза приобрело также особое значение [1, с. 682—685]. 29 ноября Кремль признал «дискутабельными» вопросы о Лиге Наций и взаимопомощи [1, с. 695]. Касаясь Германии, Кэ д'Орсэ интересовало как присоединение Москвы к эвентуальным санкциям против Берлина, так и антигитлеровская «боеспособность» немецкого пролетариата [1, с. 696].

Восточный пакт и советский дипломатический прорыв в Средней Европе (декабрь 1933 г. — сентябрь 1934 г.). На Рождество 1933 г. СССР раскрыл свои карты перед Францией. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВПК(б) определило условия вступления СССР в Лигу Наций и подписания договора о взаимопомощи против агрессии Германии. Касаясь Лиги Наций, Кремль выставлял ряд требований, в том числе настаивал, чтобы ее члены завязали с СССР дипломатические отношения. Региональный пакт о взаимопомощи должен был включать прежде всего СССР, Францию и Польшу, но мог распространяться и на Бельгию, Чехословакию, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию [16, с. 305—307]. 28 декабря и 4 января В. Довгалеvский передал кремлевские пожелания руководству Кэ д'Орсэ. В. Довгалеvский пояснял, что предлагаемый состав членов договора о взаимопомощи оправдывался намерением придать договору антигерманскую направленность. При этом Югославия и Румыния не были приглашены, чтобы не вовлекать Францию и СССР в эвентуальные итало-югославский и венгеро-румынский конфликты. Советский проект также предполагал, что стороны будут оказывать друг другу дипломатическую, моральную и материальную помощь даже в случае агрессии вне Европы. Довгалеvский официально уточнил, что Москва руководствовалась желанием изменить проводимую Францией политику нейтралитета на Дальнем Востоке [30, р. 402—405]. Первый зондаж дал следующие результаты: Ж. Поль-Бонкур позитивно воспринял идею установления отношений между членами Лиги Наций и СССР. Касаясь региональной взаимопомощи, он считал, что самое существенное — участие СССР, Франции, Польши и ЧСР. Участие Прибалтики он также приветствовал, но сомневался касательно Бельгии. «Пункт о помощи в случае других конфликтов» Бонкур не одобрил. В заключение Бонкур сообщил Довгалеvскому, что «...мы с вами начали сегодня делать историю» [1, с. 772—774; 30, р. 402—405]. После этого обмена мнений Москва приняла за основу проект взаимопомощи между

СССР, Францией, Польшей, ЧСР и Прибалтикой [31, р. 258—261]. 11 января 1934 г. Франция и СССР подписали торговое соглашение. Несмотря на многообещающее начало, эти переговоры были продолжены только весной 1934 г.

Одновременно НКВД продолжал политику сближения с Италией. 4 декабря 1933 г. М. Литвинов, посещая Б. Муссолини в Риме, с удовольствием отметил, что дуче, сетуя на японскую угрозу Италии, признавал, что СССР был необходимым участником разрешения международных проблем. Муссолини, передав, что Франция приняла итальянский подход к разрешению дунайских вопросов, поставил вопрос о восстановлении отношений СССР с Венгрией. Литвинов указал, что СССР был готов установить отношения со всеми государствами, в том числе и Венгрией. Нарком добавил, что на Балканах СССР особых интересов не преследовал, но считался с интересами Турции. При этом Болгария и Югославия, не признавая СССР, рассчитывать на его дружбу не могли [1, с. 712—714; 29, о. 129].

Готовя мадьярское яблочко на итальянском блюде, Б. Муссолини надеялся урезать свободу маневрирования Малой Антанты. С одной стороны, уже 5 декабря 1933 г. дуче передал полпреду В. Потемкину, что сближение между Турцией и Малой Антантой задерживало нормализацию отношений между СССР и Венгрией [1, с. 721]. После того, как в Будапеште согласились на начало переговоров с НКВД, посол Италии в Москве Б. Аттолико объяснял М. Литвинову проволочки их начала опасениями перед сближением СССР и Малой Антанты. Однако Литвинов отклонил предложение Аттолико никогда не признавать Малую Антанту как политическую единицу [32, с. 43, 44].

Благодаря интенсивному итальянскому посредничеству 22 января — 6 февраля 1934 г. в Риме состоялись венгеро-советские переговоры о восстановлении нормальных отношений. При этом итальянцы периодически подталкивали венгров к уступкам, объясняя, что Будапешт должен был опередить Малую Антанту в признании де-юре СССР [29, о. 142; 32, с. 71—74]. В итоге 6 февраля 1934 г. в Риме произошел обмен нот об установлении нормальных советско-венгерских отношений [33, с. 28; 32, с. 106—109]. Франция, поглощенная острой внутриполитической ситуацией, как кажется, не придавала большого значения советско-венгерской нормализации. Официоз «*Les Temps*» констатировал, что Венгрия, помимо надежд на получение выгод от торговли с СССР, пошла на этот шаг из-за боязни быть обойденной Малой Антантой [34].

К концу января 1934 г. политический отдел Кэ д'Орсэ, проанализировав рождественские предложения В. Довгалецкого, указал, что без вступления СССР в Лигу Наций Франция, учитывая обязательства по Локарнскому пакту, практически не сможет оказать ему помощь против Германии. Поэтому в сложившейся ситуации Кэ д'Орсэ мог предоставить свое посредничество в заключении пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Малой Антантой. Далее Франция могла присоединиться к договору о консультациях, который бы дополнял пакты о взаимопомощи [30, р. 535—542, 677—679].

30 марта 1934 г. Кэ д'Орсэ разработало новый эскиз «пакта о взаимопомощи». Его основой стали два союза: польско-чехословацкий и польско-советский. В пакт предполагалось также пригласить Германию и страны Прибалтики. Контрагенты обязывались бы взаимно воздерживаться от агрессий и предоставлять помощь соседнему государству-члену пакта против нападения любого другого участника пакта [30, р. 133—135]. Этот проект был вновь дополнен 28 апреля 1934 г. конвенцией, по которой Третья республика и Советский Союз взаимно гарантировали бы друг другу помощь при нарушении Германией Локарнского или Восточного пакта [30, р. 376, 377].

20 апреля новый министр иностранных дел Франции Луи Барту, вызвав советского поверенного в Париже М. И. Розенберга, передал ему, что готов к продолжению начатых ранее переговоров. При этом Л. Барту загадочно добавил, что Н. Титулеско также хотел заключить с СССР «пакт» [32, с. 279—280]. Строя догадки, 25 апреля поверенный писал в НКВД, что

Малая Антанта, вероятно, попытается присоединиться к взаимопомощи и обязать СССР старховать ее от Венгрии и Италии, «которые нам ничем не угрожают» [32, с. 299—301].

Тем не менее когда 18 мая 1934 г. Л. Барту и М. Литвинов встретились в Женеве, вопрос присоединения Малой Антанты к Восточному пакту не поднимался. Зато Барту отметил, что Малая Антанта двигалась в сторону признания СССР. Два министра также одобрили приглашение в пакт Германии и Финляндии и неучастие Бельгии [31, р. 496—502].

Переговоры о Восточном пакте шли «рука об руку» с подготовкой нормализации между СССР и Малой Антантой. Однако 7 июня стало известно, что югославский король Александр I отказался от установления отношений с СССР [32, с. 378, 379]. Монарх требовал гарантии Кремля по невмешательству во внутренние дела королевства (особенно касаясь белоэмигрантов) и прекращение советского натравливания Болгарии на Югославию [31, р. 913, 914]. 8 июня М. Литвинов встретился с Л. Барту в Женеве. Француз передал проект Восточного пакта и рекомендовал Литвинову далее начать самостоятельные переговоры с Германией и Прибалтикой. Франция при этом обязывалась продолжать переговоры с Польшей. Переданный Барту проект включал два договора — о взаимопомощи (Германия, Польша, ЧСР, СССР, Прибалтика и Финляндия) и советско-французский. В тот же день М. Литвинов встретился Э. Бенешем, который дал категорическое согласие на участие ЧСР в Восточном пакте [32, с. 378, 379; 31, 655, 656]. 8 июня Политбюро ЦК ВПК (б) одобрило установление отношений с ЧСР и Румынией [16, с. 313]. В итоге 9 июня Н. Титулеско, Э. Бенеш и М. Литвинов обменялись в Женеве нотами об установлении нормальных отношений Румынии и ЧСР с СССР [32, с. 379—381].

Несмотря на летний виток франко-советского сближения, Кремль не хотел терять благосклонность Италии и союзников. 17 июня 1934 г. М. Литвинов заверил венгерского посланника в Москве М. Арноти, что СССР не поддерживал политические амбиции Малой Антанты и не намеревался вмешиваться в ее отношения с Венгрией. Касаясь изменения статус-кво в Средней Европе, нарком пояснил, что Москва, выступая против аншлюса, занимала нейтральную позицию по венгерскому ревизионизму. Литвинов добавил, что пока Римские протоколы, подписанные в марте 1924 г. как союз Италии, Венгрии и Австрии, не дискриминировали СССР, он был не против этого блока [29, о. 191, 192; 32, с. 399, 400]. В конце июня М. Литвинов поручил заверить Б. Муссолини, что Москва стояла за сохранение дружественных отношений с Римом. В подтверждение Литвинов указывал, что он отверг предложение Турции по объединению Восточного пакта и Балканской Антанты и не пошел на восстановление отношений с Югославией, что должно было удовлетворить Палаццо Киджи [32, с. 410—417]. Вскоре еще два балканских государства установили дипломатические отношения с СССР: 23 июля 1934 г. — Болгария [32, с. 401, 405, 494], а 17 сентября 1934 г. — Албания [32, с. 592, 593]. Таким образом, опираясь на помощь Франции и Италии, СССР смог в течение 1934 г. нормализовать отношения с большинством государств Средней Европы. Венцом дипломатических усилий Кремля по международному признанию СССР стало вступление СССР в Лигу Наций по приглашению 31 члена Лиги Наций, в т. ч. — всех государств Средней Европы [32, с. 588—591].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). М. : Политиздат, 1970. Т. 16 : 1 января — 31 декабря 1933 г. 920 с.
2. ДВП. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 7 : 1 января — 31 декабря 1924 г. 740 с.
3. Public Record Office. 24/225/1. Memorandum «Changing conditions in British Foreign Policy», John Simon, 26.11.1931. CP 301 (31). P. 16—17. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728913#imageViewerLink> (дата обращения: 01.08.2014).
4. Кен Олег. Советская политика в двух измерениях: страны Центрально-Восточной Европы в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925—1939 гг. // Communisme. 2003, № 74/75. P. 45—70.

5. *Holmes Blair R.* The Austrian Monarchists, 1918—1938: Legitimism versus Nazism // *Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday and Today* / ed. F. Parkinson. Wayne : Sate UP, 1989. P. 91—109.
6. *Becsi Zoltan.* Les légitimistes hongrois et la question de l'Europe central, 1929—38 // *European Review of History.* 2004. Vol. 11, № 3. P. 365—382.
7. *Horel Catherine.* Une brève idylle dans les relations franco-hongroises au début des années trente // *Illusions de la puissance, puissance de l'illusion. Historiographies et histoire de l'Europe centrale dans les relations internationales de l'entre-deux-guerres.* Paris : CIEH, 2005. P. 111—125.
8. *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927 г. — февраль 1934 г. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995. 317 с.
9. *Wandycz Piotr Stefan.* The Twilight of French Eastern Alliances, 1926—1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton : Princeton UP, 1988. 537 p.
10. *Iratok az ellenforradalom történetéhez. K. IV. A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikájá.* 1927. 1 január — 1931. 24 augusztus / Sz. Karsai Elek. Budapest : Szikra, 1967. 622 o.
11. *Juhász Gyula.* Magyarország külpolitikája. 1919—1945. Budapest : Kossuth, 1988. 486 o.
12. *Diószegi László.* Benes terve Csehszlovákia, Ausztria és Magyarország gazdasági együttm kötésére // *Magyarságtudomány. A Magyarságtudató csoport évkönyve.* Budapest : Magyarságtudató csoport, 1987. O. 65—74.
13. *Edvard Beneš.* Cirkulárn telegramy. 1920—1935. Přípr. Jindřich Dejmek. Praha : Eva-Milan Nevoli, 2002. 277 s.
14. *Horel Catherine.* Cette Europe qu'on dit centrale : des Habsbourg à l'intégration européenne, 1815—2004. Paris : Beauchesne, 2009. 483 p.
15. ДВП. М. : Политиздат, 1968. Т. 14 : 1 января — 31 декабря 1931 г. 872 с.
16. Политбюро ЦК ВПК (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М. : РОССПЭН, 2001. 400 с.
17. ДВП. М. : Политиздат, 1969. Т. 15 : 1 января — 31 декабря 1932 г. 867 с.
18. *Кен Олег.* Чехословакия в политике Москвы, 1932—1936 гг. // *Россия 21 века.* 1996. Вып. 7—8. С. 62—86.
19. PRO.CAB 24/234/12. Memorandum by the secretary of State for war. CP 362 (32). A military appreciation of the present world situation. 28.10.1932. P. 4. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7729433#imageViewerLink> (дата обращения: 01.08.2014).
20. *Magyar Országos Levéltár, K. 63, cs. 5, 1932—2—16. 68.pol. 1932. Beszélgetés Addison angol követtel a Dunamedencét illet gazdasági tervekr l.* Masirevich. 1932.03.31. O. 5—8.
21. *Seres Attila.* A magyar-szovjet diplomáciai és kereskedelmi kapcsolatok fbb problémái 1922—1935. Doktori disszertáció. Budapest : ELTE BTK, 2006. 234 o.
22. *Кен Олег.* Карл Радек и Бюро международной информации ЦК ВКП (б), 1932—1934 гг. // *Cahiers du monde russe, soviétique et post-soviétique.* 2003. Vol. 44. No. 1. P. 135—177.
23. *Duroselle Jean-Baptiste.* Politique étrangère de la France. La Décadence : 1932—1939. Paris : Hérissé, 1983, 568 p.
24. *Manigand Christine.* Henry de Jouvenel. Limoges : PULIM, 2000. 322 p.
25. Documents diplomatiques français. 1932—1939. 1re série, 1932—1935 (далее — DDF). Paris : Impr. Nationale, 1966. T. 2 : 15 novembre 1932 — 17 mars 1933. 876 p.
26. DDF. Paris : Impr. nationale, 1967. T. 3 : 17 mars — 15 juillet 1933. 928 p.
27. *La grande Roumanie alliée de la France: une péripétie diplomatique des années folles, 1919—1933* / Ed. Traian Sandu. Paris : l'Harmattan, 1999. 279 p.
28. DDF. Paris : Impr. nationale, 1968. T. 4 : 16 juillet — 12 novembre 1933. 788 p.
29. *A Palazzo Chigi és Magyarország. Olasz diplomáciai dokumentumok Magyarországról. A Gömbös-kormány id szakában 1932—1936. K. I / Sz. Réti György.* Budapest : Fischer kiadó, 2003, 516 o.
30. DDF. Paris : Impr. nationale, 1970. T. 5 : 13 novembre 1933 — 13 mars 1934. 970 p.
31. DDF. Paris : Impr. nationale, 1972. T. 6 : 13 mars — 26 juillet 1934. 1089 p.
32. ДВП. М. : Политиздат, 1971. Т. 17 : 1 января — 31 декабря 1934 г. 879 с.
33. *Колонтари Аттила.* Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // *Славяноведение.* 2010/1. С. 19—30.
34. *Hongrie. Les relations avec URSS* // *Le Temps.* 09.02.1934. № 26 461. P. 4.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2013 г.